

Т.Е.Абрамзон, С.В.Рудакова

КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ Е.А.БОРАТЫНСКОГО

Исследуется своеобразие представлений Е.А.Боратынского о счастье. Показано, как усвоен был и переосмыслен Боратынским религиозный, культурный, философский опыт предшественников в трактовке счастья. На широком поэтическом материале показано, как менялись взгляды поэта на счастье, как формировалась его фелицитарная концепция. Выявлена универсальность мышления автора, его способность, опираясь на общекультурные представления о счастье, предложить собственное видение этого феноменального явления человеческого бытия.

Ключевые слова: счастье, античность, христианство, романтизм, Боратынский, гедонизм, духовное, материальное, страдание, покой, мечта, память, дружба, любовь, поэзия

Вопрос о счастье — один из животрепещущих. К нему обращались люди в древности, он волнует человека и в современном мире. Само существование человечества оказывается так или иначе связано с поисками счастья [1-3]. Философы разных эпох оказываются близки друг другу в понимании категории счастья, для большинства из них счастье — некая генетически заложенная в человеке высшая потребность. Так, в античности Демокрит заявляет: «Цель жизни человека — достижение счастья» [4], — а в XIX веке как будто бы вслед за ним Фейербах продолжает: «...стремление к счастью прирождено человеку, поэтому оно должно быть основой всякой морали» [5].

Представления о счастье в разные эпохи были различны. Уже в античности среди богов, которым поклонялись, выделялись Тюхе (в древнегреческой мифологии) и Фортуна (в древнеримской), богини счастья и удачи или счастливого случая. Чаще всего образ этих богинь изображался с рогом изобилия и / или с повязкой на глазах. Первая деталь их облика намекала на то, как много благ могут принести в жизнь человека эти божества. Вторая подробность их портрета заставляла понять, насколько прихотлив, своеволен, во многом непредсказуем характер проявления счастья, что могли продемонстрировать эти богини. Подобное отношение к счастью обнаруживается и в русском фольклоре, подтверждение тому — народные афоризмы, например: «Счастье — вольная пташка: где захотела, там и села», «Счастье не конь: хомута не наденешь», «Счастье не палка, в руки не возьмешь», «Счастье, что волк: обманет да в лес уйдет», «Дуракам — счастье», «Не родись красива, а родись счастлива».

С другой стороны, древние задумывались и о том, что, возможно, не только от высших сил зависит твоя судьба и счастье, возможно, сам человек определяет собственный путь. Так, древнеримскому цензору Аппию Клавдию, чья должность была связана с политической деятельностью, приписывают афоризм: «Faber est suse quisque fortunes» («Каждый сам кузнец своего счастья (судьбы)»), правда, зафиксирована впервые эта мысль была в письме к Цезарю Саллюстия, но ссылаясь он на предшественника [6]. В подобном контексте звучит и русская народная мудрость, выраженная в известной пословице «На Бога надейся, а сам не плошай!», утверждающей активный принцип отношения и к жизни своей, и к счастью, что создавать должен сам человек, а не ожидать милости со стороны высших сил.

Аристотель в своём трактате «Никомахова этика», рассматривая счастье как высшее благо, к которому устремлен человек, не отделял счастье от добродетели. Античный философ выделял два типа счастье — земное, обретаемое человеком по достижению земных благ, и божественное, даруемое богами. И именно второй тип он относил к наивысшему проявлению счастья. Древнеримский мыслитель Эпикур создал собственную фелицитарную теорию, в основе которой — прославление земных удовольствий, которые, по мнению этого философа, и являются самым важным человеческим благом.

В христианскую эпоху взгляд на счастье существенно изменился. Это состояние стало соотноситься со смирением человека перед теми испытаниями, что выпадали ему в земной жизни, с умением принимать страдания. Истинное счастье, по мнению христианских мыслителей, можно было достичь лишь в мире запредельном — в раю; только здесь человеку будут дарованы, если он того достоин, вечные блаженство, свет, покой.

Новая страница в истории представлений о счастье связана с эпохой Просвещения, именно «Просветителям удалось изменить средневековую картину мира. <...> Они создали новую жизненную парадигму, включающую земное счастье обязательно и непреложно» [7, с. 117].

Е.А.Боратынский как поэт мысли не мог не задуматься относительно того, что есть счастье. Однако в его лирическом мире эта категория оказывается самой изменчивой. «The artistic world is not a pure reflection of the real world, but a different transformed reality where a person gives a second thought to his own experience and cultural heritage» [8, с. 10188], — размышляя об этом феномене человеческой жизни, Боратынский учитывает опыт предшествующих поколений, соотнося его с собственными взглядами и каждый раз предлагая в чем-то новый подход / концепцию понимания счастья, порой принципиально отличный от прежнего.

В своих размышлениях о счастье Боратынский во многом опирается на философию романтизма, идеалистическую по сути; немаловажными для него оказываются и христианские воззрения. Для поэта определяющим в жизни является духовная составляющая, потому счастье в его сознании соотносится прежде всего именно с миром духовным, а не с богатством и не с роскошью мира материального:

Забытый от людей, дубрав безвестных житель,

Не позавидую надменным богачам;

Нет, нет, за *тихотный блеск* я счастья не отдам;

Не стану жертвовать фортуны своевольной (здесь и далее в примерах курсив наш) [9, с. 64].

Ощущает Боратынский на себе влияние и со стороны философии Просвещения. Так, близка поэту позиция Р.Декарта, выделявшего в своих размышлениях о человеке, наделенном интеллектом, его наиглавнейшую способность — мыслить: «Я мыслю, следовательно, существую». По мнению Боратынского, духовное прозрение — важный фактор подлинного бытия человека. Потому в свои раздумья о счастье поэт не мог не привести размышления о сфере духовно-интеллектуальной. Боратынский убежден, что к счастью приблизиться сможет именно тот, кто сумеет постичь «закон небес» и откроет смысл своего бытия:

В *глуши лесов счастлив один*,

Другой страдает на престоле;

На высоте земных судьбин

И в незаметной, низкой доле

Всех благ возможных тот достиг,

Кто дух судьбы своей постиг» [9, с. 114].

С другой стороны, он сознает вероятность и иной ситуации: может оказаться и так, что к счастью скорей придет тот человек, который живет в неведении, не стремится постичь суть мира и людей, познать основы мира, его удовлетворяет состояние незнания, он живет и наслаждается просто тем, что его окружает: «Не знал я радостей, не знал я мук других, / За мигом не умел другой предвидеть миг; / Я слишком *счастлив* был *спокойствием незнания*» [9, с. 64]; «Что нужды! *счастлив*, кто на нем (на пиру страстей — Т. А., С. Р.) / *Забвенью мысли* пьет, / Кого далеко от нее / Он, дивный, унесет!» [9, с. 174]. Состояние «незнания» воспринимается поэтом как некое важное условие обретения и сохранения счастья не только человеком, но и природой: «Лучше, смертный, в *дни незнания* / *Радость* чувствует *земля*» [9, с. 179].

Счастье для Боратынского при рассмотрении его с позиций эмоций, что оно порождает, соотносится не только с радостью, но и с печалью. Идя вслед за основоположником русского романтизма В.А.Жуковским, утверждавшим в своем программном стихотворении «Теон и Эсхин»: «... боги для счастья послали нам жизнь — / Но с нею печаль неразлучна» [10, с. 381], — поэт в своих размышлениях о счастье страданию отводит особую роль. Однако его взгляд на понимание сути этого парадоксального единства — счастья и страдания — оказывается иным: «Поверь, мой милый друг, *страданье* нужно нам; / Не испытав его, нельзя понять и *счастья*» [9, с. 74]; «И ко *счастью* иногда / Неожиданно приводит / Нас суровая *беда*» [9, с. 165]. Ощущая влияние христианской религии (одна из основополагающих идей которой — утверждение того, что в земном мире каждому человеку испытания даются по силам его, и, только пройдя через них, человек может приблизиться к миру абсолютного счастья, т.е. раю), Боратынский приходит к пониманию следующего: иногда, чтобы познать счастье, прочувствовать его, человек должен пережить какую-то утрату или испытать разочарование, ощутить печаль или даже горечь потери:

Но кто постигнут роком гневным,

Чью душу тяготит мучительный недуг,

Тот дорожит врачом душевным.

Что, что дает любовь веселым шалунам?

Забаву легкую, минутное забвенье;

В ней благо лучшее дано богами нам

И нужд живейших утоленья!

<...>

Хвала всевидящим богам!

Пусть *мнимым счастьем* для света мы убоги,

Счастливы нас бедней, и праведные боги

Им дали *чувственность*, а *чувство* дали нам [9, с. 74].

Само желание счастья воспринимается поэтом как дарованное свыше, это состояние рассматривается им как чувство, связывающее с миром божественным и определяющее духовную раздвоенность человека: с одной стороны, он устремлен к высшей цели — обретению блаженства, а с другой — ощущая близость миру богов, он не в состоянии достичь желанной цели, более того, человеку не удастся даже ощутить себя частью этого мира: «Но в искре небесной прияли мы жизнь, / Нам памятно небо родное, / В *желании счастья* мы *вечно* к нему / *Стремимся* неясным желаньем!.. / <...> / Но нам недоступно! Как алчный Тантал / Сгорает средь влаги прохладной, / Так, сердцем постигнув *блаженнейший мир*, / *Томимся* мы *жаждою счастья*» [9, с. 78].

Представления о счастье Боратынского в разные периоды его творчества различны. Так, в юности поэт, увлекаясь эпикуреизмом, соотносит счастье с философией наслаждения: «*Наука счастья* нам знакома, / Часы летят! Скорей зови / Богиню милую любви! Скорее ветреного Мома! / Альков уютный приготовь! / Наполни

чаши золотые!» [9, с. 68]. Быть счастливым означает испытывать чувственные удовольствия, сливающиеся с духовными переживаниями; к таковым он относит все, связанной с дружбой, — пирушки, дружеские диалоги, разговоры о поэзии, с миром духовно-чувственных наслаждений соотносит поэт и любовь к женщине, наслаждение красотой, любование природой: «Прости! Бог весть когда опять, / Желанный друг в гостях у друга, / Я *счастье* буду воспевать / И негу праздного досуга» [9, с. 70]; «Я с тихой *радостью* взглянул на мир прелестный, — / С каким восторгом я природу обнимал!» [9, с. 64]; «Мы пели *счастье* дней молодых» [9, с. 82]. В этом он близок нашим романтикам, например, К.Н.Батюшкову [11, с. 57], который воспевал мир «беспечности златой» [12, с. 102] и советовал «искать веселья и забавы и мудрость с шутками мешать» [12, с. 38]. Однако чем старше становится Боратынский, тем острее он ощущает свое отличие даже от друзей и подруг, наслаждающихся жизнью, ибо его ощущения от взаимодействия с миром становятся иными, гедонизм его теперь не увлекает: «Но я *безрадостно* с друзьями *радость* пел — / Восторги их мне были чужды» [9, с. 75].

В сознании поэта начинает формироваться новый идеал счастья, в котором уже не находят своего места проявления буйной радости, упоение земными удовольствиями, все, во что он верил в юности, теперь воспринимается лишь как иллюзия, с которой он расстается: «Оставим юным шалунам / Слепую жажду сладострастья; / Не упоения, а *счастья* / Искать для сердца должно нам» [9, с. 87]; «Весельчакам я запер дверь, / Я *пресыщен* их буйным *счастьем*» [9, с. 91].

Поэт все чаще ассоциирует счастье с состоянием некоего покоя, когда человек как будто отстраняется от внешней мирской суеты: «Там *счастье* я найду в *отрадной тишине*» [9, с. 64]. Однако и это состояние может восприниматься лишь как иллюзия счастья: «*Счастливый* отдыхом, на *счастье* *похожим*, / Отныне с рубежа на поприще гляжу / И скромно кланяюсь прохожим» [9, с. 101].

Более того, иногда лирический герой Боратынского задумывается о сути покоя и осознает, что если покой становится проявлением души, символом её состояния, то тогда такой покой мыслится уже не проявлением счастья, а симптомом разрушительных для человека внутренних процессов, в результате которых он лишается эмпатии, способности наслаждаться и ценить жизнь в различных её проявлениях: «*Бездейственность души счастливых тяготит*; / Им силы жизни неизвестны» [9, с. 74]. Такие люди именуются поэтом *мнимыми счастливыми*, не осознающими собственной духовной катастрофы:

*Счастливы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный друг* [9, с. 74]?

Выделяется Боратынским только одно условие, при котором покой для него всегда соотносится с бесконечным, абсолютным счастьем, речь идёт о состоянии, которое рождается в душе человека, когда он оказывается в отчем доме или думает о нём, ведь дом — это место отдохновения; именно в этом пространстве человек освобождается от влияния суетной светской жизни и может отдаться процессу духовного познания высших ценностей бытия: «О *дом отеческий!* О край, всегда любимый! / <...> / Вы мне *повеете спокойствием и счастьем*. / <...> / В кругу друзей своих, в кругу семьи своей, / Я буду издали глядеть на бури света» [9, с. 76]; «А там *счастливый дом*... туда *душа летит*, / <...> / Там сердце томное, больное обрело / Ответ на все, что в нем горело» [9, с. 168].

Задумываясь о счастье, Боратынский осознает, что люди с различными системами ценностей — те, для кого важнее всего светский мир, и те, кто ценит духовную жизнь, — понимают счастье по-разному. Первые, «своим *бесчувствием блаженные*» [9, с. 100], счастье видят в покое, понимая его как освобождение от суетных забот, забвение возвышенных человеческих эмоций, наслаждение физическим материальным комфортом, который можно купить за деньги или получить в качестве привилегии за свой высокий социальный статус; для вторых счастье оказывается связано с непрекращающимся духовно-интеллектуальным движением, напряженным поиском истин, борьбой за идеалы. Потому понять позицию друг друга оппоненты в этом споре о счастье вряд ли смогут: «Пусть мнимым счастьем для света мы убоги, / Счастливы нас бедней, и праведные боги / Им дали чувственность, а чувство дали нам» [9, с. 75].

Как и для многих романтиков для Боратынского часто мысли о счастье оказываются созвучны размышлениям о мечте. Однако чем старше становится поэт, тем всё реже он рассматривает данные понятия в тандеме, но при этом значимость как мечтаний, так и фантазий о счастье только возрастает. И счастье, и мечта у поэта ассоциируются с чем-то неуловимым, устремленным в неведомую даль: «Все можно возратить — мечтанья невозвратны!» [9, с. 58]; «*Обманы радости и ветреного счастья*» [9, с. 61]; «*счастлива мгновенья легкокрылы*» [9, с.]; «Наслаждайтесь: все проходит! <...> На лету ловите *счастья* / *Ненадежные часы*» [9, с. 165]. Способность мечтать, в том числе и о счастье, для Боратынского — доказательство того, что человек по-настоящему живой: «Богатство жизни — *вера в счастье*» [9, с. 71]. Утрата же человеком этой способности влечет за собой катастрофические для него последствия — в нем угасают жизненные силы, прогрессирует духовная апатия: «Нет, не бывать тому, что было прежде! / Что в *счастье* мне? *Мертва душа* моя!» [9, с. 78].

Важнейшим источником и счастья, и мечты для лирического героя Боратынского становится поэзия, позволяющая ему познать себя и мироздание, почувствовать свою близость божественному миру: «*Счастливцу!* дни свои ты *музам* посвятил» [9, с. 102]; «О сын *фантазии!* Ты благодатных *фей* / *Счастливый баловень*, и там, в заочном мире, / Веселый семьянин, привычный гость на пире / Неосязаемых властей!» [9, с. 193].

Однако поэзия воспринимается лирическим героем Боратынского не только как дар Богов, делающий его счастливым, но и как проклятие, обрекающее его на непонимание и на отчуждение от мира людей: «Там погребет питомец Аполлона / *Свои мечты, свой бесполезный дар!*» [9, с. 180]; на мучительные страдания: «Все мысль да мысль! *Художник бедный слова!* / <...> / Но пред тобой, как пред нагим мечом, / Мысль, острый луч, бледнеет жизнь земная!» [9, с. 195].

Тем не менее, пройдя путь мытарств, бесконечных поисков смысла бытия, герой Боратынского в конечном итоге обретает духовную опору именно в творчестве, а точнее в главном его инструменте — рифме. Именно она связывает поэта и с миром людей, и с миром Бога, она дарует ему ощущение приобщенности к живой вере, делает его счастливым: «Одна с *божественным порывом* / Миришь его (*Поэта — Т. А., С. Р.*) с твоим отзывом / *И признаешь его мечты!*» [9, с. 196-197].

Свои мечты и свое счастье лирический герой Боратынского часто связывает с друзьями. В юности, когда дружеский круг был тесен, лирический герой воспринимал счастье как состояние, переживаемое здесь и сейчас. Но в зрелости, ощутив безвозвратность потерь, влекущих к ослаблению дружеских уз, поэт все чаще начинает соотносить и счастье и мечты с миром прошлого: «Товарищ радостей младых / <...> / О милый! я с тобой когда-то *счастлив* был! / Где время прежнее, где *прежние мечтанья?*» [9, с. 58]. Все лучшее, что могло быть в его жизни, по мнению поэта, уже не ждет его в грядущем, оно — в минувшем, оно уже состоялось. Потому высшим даром богов начинает восприниматься память, ибо только она позволяет человеку возвращать счастливые мгновения, оживлять мечтания и хотя бы на миг вновь становится счастливым:

О память! ты одна беседуешь со мной,
Ты возвращаешь мне отятое судьбой;
Тобою счастья мгновенья легкокрылы,
Давно протекшие, в мечтах мне снова милы.
Еще в забвении дышу отрадой их;
Люблю, задумавшись, минувших дней моих
Воспоминать мечты, надежды, наслажденья,
Минуты радости, минуты огорченья.
Не раз, волшебною взлелеянный *мечтой*,
Я в ночь безмолвную беседовал с тобой;
И, в дни *счастливые* на час перенесенный,
Дремал утешенный и с жизнью примиренный [9, с. 60].

Как и для многих романтиков, любовь в душе лирического героя Боратынского рождает чувство необыкновенного счастья, а возлюбленная ассоциируется с неким божественным существом: «В ней *благо лучшее* дано богами нам / И нужд живейших утольенье!» [9, с. 74]; в ней он видит воплощение всего самого прекрасного, потому находящийся рядом с нею обретает неземное счастье: «Когда ты с ней, *мечты твоей неясной* / Неясною *владыщицей* она / <...> / Ты полон весь *мечтою необъятной*» [9, с. 135]; «Любуюсь вами, как цветком, / И *счастлив* тем, что вы *прекрасны*» [9, 120]; любимая мыслится повелительницей счастья: «Для кого она *выводит* / *Солнце счастья* за собой» [9, с. 113].

Но и любовь может причинить человеку невероятные страдания, если вспыхнув на горизонте его жизни, она вдруг исчезнет, оставив после себя пустоту и лишив человека радости бытия: «Одно теперь унылое смущенье / Осталось мне от счастья моего» [9, с. 67]. Пережив подобное состояние, лирический герой Боратынского соотнес свой личный опыт с общечеловеческим, и пришел к печальным выводам: «Мы пьем в любви отраву сладкую; / Но все отраву пьем мы в ней, / И платим мы за радость краткую / Ей безвесельем долгих дней» [9, с. 112]. И все же, обращаясь мыслями к своей истории любви, пусть и ушедшей, герой Боратынского вспоминает не о страдании, а о чуде, озарившем его жизнь.

Очарованный лирикой В.А.Жуковского, утверждавшего, что «Счастье в нас, и Божий свет / Нами лишь прекрасен» [9, с. 250], Боратынский, в своей ранней лирике склонен был верить в то, что «И в ведро, и в ненастье / Гнетут печали злых, — / Но *истинное счастье* / Нигде, как в нас самих» [9, с. 207]. Как и Жуковскому, Боратынскому казалось, что счастье заключено в самом человеке. По мнению поэта, добродетель, нравственные поступки могут позволить человек обрести блаженство и счастье. Однако со временем эта идея была критически переосмыслена. Сначала мы видим, как лирический герой Боратынского усомнился в себе, в своей добродетельности, в своем праве на счастье: «Все мнится, *счастлив я ошибкой* / И не к лицу веселье мне» [9, с. 67], а позже у него появились сомнения вообще в возможности длительного счастья для человека в этом мире. Поэт начинает понимать, что чем богаче жизненный опыт у человека, тем сложнее ему испытать состояние счастья. Тем не менее, для Боратынского неизменна мысль о том, что в жизни человека все же должно быть место счастью: «Природа, каждого дая особой страстью, / Нам разные пути прокладывает к *счастью*» [9, с. 103]; «Мы все *блаженствуем равно*, / Но все *блаженствуем различно*; / Уделом нашим решено, / Как наслаждаться им прилично» [9, с. 114].

Счастье в лирике Е.А.Боратынского предстает многоликим и кратковременным. Для поэта оно ассоциируется и с процессами познания мира, и с чувственными удовольствиями; оно связано как с наслаждениями, так и со страданием, с покоем и активностью. Счастливым человек может стать, общаясь с друзьями, испытывая любовь к женщине, но абсолютно (хотя и в этом случае не навечно) счастливым его может сделать творчество, поэзия. Счастье для Боратынского — это и явь, и мечта, это и настоящее, но все же чаще минувшее.

Понятие счастья в лирическом мире Е.А.Боратынского вбирает различные смыслы — индивидуальные, культурные, религиозные, что подчеркивает универсальность мышления автора, его способность, опираясь на общечеловеческие представления о счастье, предложить собственное видение этого феноменального явления человеческого бытия.

1. Свенцицкая И.С. Счастье и горе у древних греков // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М.: ОГИ, 2002. С. 16-25.
2. Кошелева О.Е. Ракурсы «счастья» в России в XVII—XVIII веков // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М.: ОГИ, 2002. С. 108-117.
3. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 367 с.
4. Бахтин М. В поисках счастья. Религиозно-этические учения древности. М.: Московский гуманитарный институт повышения квалификации и переподготовки кадров, 2005. С. 63.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец Классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: В 39 т. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 296.
6. Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. М.; Минск: АСТ, Астрель, Транзиткнига, Харвест, 2005. 1472 с.
7. Абрамзон Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 117-125.
8. Abramzon T.E., Rudakova S.V., Zaitseva T.B., Koz'ko N.A., Tulina E.V. The consistency of lyric artistic thinking // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. T. 11. № 17. С. 10185-10196.
9. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1989. 463 с.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797—1814 годов / Ред. О.Б.Лебедева, А.С.Янушкевич. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 759 с.
11. Рудакова С.В. К.Н.Батышков и Е.А.Боратынский: «диалоги» с Парни // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 50-59.
12. Батышков К.Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. СПб.: П.Н.Батышков, 1885. 457 с.

References

1. Svetsitskaya I.S. Schast'e i gore u drevnix grekov [Happiness and sorrow among the ancient Greeks]. Kazus 2002. Individualnoye i unikalnoye v istorii, iss. 4. Moscow, OGI Publ., 2002, pp. 16-25.
2. Kosheleva O.E. Rakursy "shchast'ya" v Rossii v 17—18 vekov [Perspectives of "Happiness" in Russia in the 17th—18th centuries]. Kazus 2002. Individualnoye i unikalnoye v istorii, iss. 4. Moscow, OGI Publ., 2002, pp. 108-117.
3. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka [On happiness and human perfection]. Moscow, Progress Publ., 1981, 367 p.
4. Bakhtin M. V poiskakh schast'ya. Religiozno-ehlicheskie ucheniya drevnosti [In search of happiness. Religious and ethical teachings of antiquity.]. Moscow, Moskovskiy humanitarnyy institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov, 2005, p. 63.
5. Marks K., Ehngel's F. Lyudvig Feyerbakh i konets Klassicheskoy nemetskoj filosofii [Engels F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart, 1886]. Marks K., Ehngel's F. Sbranie sochineniy: V 39 t. T. 21. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. S. 296 (Rus. Edition: Marks K., Engels F. Lyudvig Feyerbakh i konets Klassicheskoy nemetskoj filosofii. In: Marks K., Engels F. Sbraniye sochineniy in 39 vol., vol. 21. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, p. 296).
6. Babkin A.M., Shendetsov V.V. Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov [Dictionary of foreign expressions and words]. Moscow; Minsk: AST. Astrel. Tranzitkniga. Kharvest Publ., 2005, 1472 p.
7. Abramzon T.E. K voprosu o russkom schast'e (pochziya XVIII veka) [On Russian happiness (in poetry of the 18th century)]. Libri Magistri, 2015, iss. 1, pp. 117-125.
8. Abramzon T.E., Rudakova S.V., Zaitseva T.B., Koz'ko N.A., Tulina E.V. The consistency of lyric artistic thinking. International Journal of Environmental and Science Education, 2016, vol. 11, no. 17, pp. 10185-10196.
9. Baratsynskiy E.A. Polnoe sbranie stikhotvoreniy [A complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1989. 463 p.
10. Zhukovskiy V.A. Polnoe sbranie sochineniy i pismen: V 20 t. T. 1. Stikhotvoreniya 1797—1814 godov [A complete collection of works and correspondence]. Moscow, Yaz. rus. Kultury Publ., 1999. Vol. 1. Stikhotvoreniya 1797—1814 godov [Poems: 1797-1814]. 759 p.
11. Rudakova S.V. K.N.Batyushkov i E.A.Boratsynskiy: "dialogi" s Parni [Boratsynskiy: dialogues with Parny]. Libri Magistri, 2015, iss. 1, pp. 50-59.
12. Batyushkov K.N. Soch.: V 3 t. T. 1 [Works in 3 vol., vol. 1]. Saint Petersburg, 1885. 457 p.

Abramzon T.E., Rudakova S.V. The concept of happiness in Boratinsky's lyrics. The main goal of this article is to explore A. Boratynsky's ideas about happiness. It is shown how Boratynsky assimilated and reinterpreted the religious, cultural, and philosophical experience of predecessors in the interpretation of happiness. In this paper, we study how the poet's views on happiness changed and the evolution of his felicitary concept. The universal mind and Boratynsky's ability to offer his own vision of this phenomenon based on the general cultural ideas of happiness is revealed.

Keywords: happiness, antiquity, Christianity, Romanticism, Boratynsky, hedonism, spiritual, material, suffering, peace, dream, memory, friendship, love, poetry.

Сведения об авторах: Т.Е.Абрамзон — зав. кафедрой языкознания и литературоведения, профессор, доктор филологических наук, институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова; ate71@mail.ru; С.В.Рудакова — профессор кафедры языкознания и литературоведения, доктор филологических наук, институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова; rudakovamasu@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.06.2018.